НАЙТМЭР

ВЕДЬМАК

ПЕПЕЛ АЭН ДАЛЯ

18+

Найтмэр

Ведьмак. Пепел Аэн Даля

«Автор»
2026

Найтмэр

Ведьмак. Пепел Аэн Даля / Найтмэр — «Автор», 2026

Для людей он — паршивый выродок, для чистокровных эльфов — порченая полукровка. На его груди поблёскивает серебряный медальон с оскаленной кошачьей мордой — цеховой знак самой ненавидимой и опасной из ведьмачьих школ. За годы скитаний по трактам ведьмак Найтаэр привык к тому, что за каждым заказом на чудовище прячется куда более страшная человеческая подлость. Двадцать лет назад неизвестные сожгли дотла его родное поселение под Аэн Далем, оставив семилетнего мальчика сиротой.По крупицам собирая правду у последних выживших свидетелей, Найтаэр всё ближе подбирается к тем, кто заплатил золотом за ту кровавую ночь. Но он ещё не знает, какую цену придётся заплатить за право заглянуть на дно старого пепла — и кто окажется настоящим чудовищем, когда последний клинок выйдет из ножен.

© Найтмэр, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дым над стоками 5
В волчьей шкуре 13
Глава I 13
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Найтмэр
Ведьмак. Пепел Аэн Даля

Дым над стоками

— Тварь мертва, — произнёс ведьмак, не сводя напряжённого взгляда с бургомистра.

Вопреки обыкновению, градоначальник держал руки не на виду, а под резной столешницей. Для ведьмака такая мелочь значила многое: однажды минутная беспечность едва не стоила ему жизни, и старый шрам под рёбрами до сих пор ныл к непогоде. Но на сей раз обошлось без спрятанного ножа. Одна пухлая ладонь легла на сукно, а вторая выудила из потайного ящика увесистый кожаный кошель и небрежно швырнула его вперёд. Монеты глухо звякнули.

— Славная работа, Найтмэр. Или как тебя там? — процедил бургомистр.

— Найтаэр.

— Всё едино. Кто ваши эльфские клички разберёт? — градоначальник скривился, смерив гостя взглядом, полным нескрываемой брезгливости.

Уши ведьмака почти не выдавали в нём эльфийскую кровь — выглядели как обычные человеческие, заострены были лишь самую малость. Зато всё остальное кричало о его происхождении: высокий рост, поджарое, жилистое тело и воистину эльфийские черты лица. Длинные русые волосы, отливающие медью в косых лучах солнца, были перехвачены кожаным ремешком на затылке и свободно спадали на спину и плечи. Из-за значительной доли эльфийской крови определить его возраст не взялся бы никто, хотя в движениях и взгляде ещё сквозили юношеский порыв и жажда жизни. Для людей он оставался нелюдем и ублюдком, для чистокровных эльфов — порченой полукровкой.

Найтаэр молча сгрёб кошель и, не прощаясь, шагнул к двери.

— Погоди-ка, ведьмак, — окликнул его бургомистр. — Своё дело ты справил, хвалю. Но терпеть тебя в Альдерсберге дольше положенного я не намерен. Чтоб к утру духу твоего в городских стенах не было. Уяснил?

Найтаэр замер на полушаге. Не обернулся и не ответил — спорить с городскими властями не имело смысла, да и сам он задерживаться здесь не собирался. Лишнее внимание ему было ни к чему. И всё же в груди привычно вскипела горячая, злая волна: ведьмаку стоило немалых усилий подавить острое желание развернуться и выпустить спесивому чинуше кишки прямо на полированное дерево.

За годы скитаний он свыкся с косыми взглядами, плевками вслед и вечным недоверием нанимателей. Мало того что полуэльф и мутант — на его груди тускло поблёскивал серебряный медальон в виде оскаленной кошачьей морды. Цеховой знак самой ненавидимой и противоречивой из ведьмачьих школ. В народе шептались, что чародеи, ставившие опыты над Котами, допустили роковую ошибку: вместо того чтобы выжечь эмоции, мутации вывернули их наизнанку, сделав воспитанников школы импульсивными, агрессивными и неуправляемыми.

Найтаэра это проклятие не обошло стороной. Ещё подростком он учился у наставников смирять свой нрав, но вспышки слепой ярости раз за разом рвались наружу, требуя железной узды. Впрочем, ведьмак и сам не знал наверняка, в чём крылся корень этой злобы — в изуродованной эликсирами природе или в вечной, тупой ненависти окружающих, судивших его лишь по чужеродным чертам лица да медальону на шее.

Выйдя на залитую вечерним светом мостовую, Найтаэр направился к окраине. Присмотренная им корчма стояла поодаль от шумных рынков и людных улиц. Больше всего на свете измотанному ведьмаку хотелось смыть с себя канализационную слизь и нечистоты, съесть миску горячей похлёбки и провалиться в сон под надёжной крышей.

Но дойти до ночлега ему было не суждено. Не отмерив и сотни шагов, он заметил человека, нагло шагавшего наперерез с противоположной стороны улицы. Коренастый лысый детина с трёхдневной щетиной, от которого за версту разило дешёвым сивушным спиртом, грузно перегородил ведьмаку дорогу.

— Ведьмак Найтаэр? — сипло проговорил он.

— А кто спрашивает?

— Ты мне не язви, выродок! — бычья шея лысого налилась кровью. — Отвечай, когда спрашивают!

Терпение Найтаэра лопнуло с тихим звоном. Чуть прищурившись, он уже наметил точку на небритой скуле мордоворота — один короткий удар, и плевать на последствия. От неминуемой расправы детину спас его напарник, вовремя вынырнувший из-за угла. Этот держался куда разумнее приятеля, по крайней мере на первый взгляд.

— Ну что же ты, Богуш! — зачастил подошедший, явно пытаясь сгладить углы. — Кто ж так людей нанимает? Эдак ты всех охочих до дела распугаешь. Простите этого дурня, милсдарь, мы без худых мыслей. Работу вам предложить хотим, наш хозяин ждёт вас. Пройдёте с нами?

Найтаэр задумался. Заказы для ведьмака на дороге не валяются, но тащиться на ночь глядя невесть куда не входило в его планы. Измотанное после тяжёлого боя тело требовало еды, горячей воды и покоя.

— Я предпочёл бы обсудить это завтра, — ровно ответил ведьмак.

— Милсдарь, дело срочное, — улыбка сошла с лица напарника. — А наш старший ждать не любит.

Что за спешная беда могла приключиться в Альдерсберге, о которой не ведал сам бургомистр? Любопытство вперемешку с желанием подзаработать всё-таки перевесили усталость.

— Хорошо. Идём.

Место, куда привели Найтаэра, мало походило на то, что он себе представлял. В отличие от просторного особняка градоначальника в самом сердце города, эта покосившаяся халупа пряталась вдалеке от людных улиц, в паутине тесных и тёмных переулков. По дороге ведьмак то и дело ловил себя на мысли, что его ведут в ловушку — прознали про бургомистрово золото и теперь хотят прирезать в глухом тупике. Он шёл настороженно, мягким пружинистым шагом, всматриваясь в лица редких прохожих, примечая тёмные углы и заранее прикидывая пути отхода. Но обошлось без засады: провожатые действительно доставили его к заказчику.

Внутри тянуло сыростью и плесенью. В углу тускло поблёскивал очаг, а под низкими балками потолка шуршали крысы. Хозяин сидел за грубым дубовым столом и коротким жестом пригласил ведьмака сесть напротив.

— Найтаэр, я так полагаю, — произнёс он, цепко изучая гостя. — В моём деле глаза и уши есть на каждом углу. Мои люди видели, как ты поутру спускался в северные стоки, а полчаса назад вышел от бургомистра с полным кошелём. Быстро же ты управляешься. Меня кличут Габером. Не буду ходить вокруг да около: позвал я тебя, чтобы предложить дело. Работёнка не совсем обычная, но золотом не обижу, — хозяин сделал паузу, явно дожидаясь вопросов.

— Внимательно слушаю.

— Я веду в городе свой промысел, — понизив голос, заговорил Габер. — Веду тихо, не отсвечиваю. По этой халупе сам заметить можешь: лишний шум мне ни к чему. Но появилась тут одна заноза — принялась копать под меня, людям моим мешать, всю торговлю ломать. Надобно эту помеху устранить.

В комнате повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь треском сырых дров. Ведьмак какое-то время молчал, разглядывая приколоченные к бревенчатой стене оленьи рога.

— Вам, почтенный, наёмник нужен, — спокойно сказал Найтаэр. — Не ведьмак. Моё ремесло — охота на чудовищ.

— Я отлично знаю, кто мне нужен, — в тон ему отозвался Габер. — И слышал, что далеко не все из вашего брата промышляют одной лишь нечистью. Я заплачу щедро. В несколько раз больше, чем ты выручил сегодня, убивая слепых подземных гадов в городских стоках по пояс в дерьме.

— Почему не поручите это своим людям? — Найтаэр чуть склонил голову набок. — Уверен, резать глотки они умеют не хуже моего, да и за такую работу возьмутся куда охотнее.

— Уметь-то умеют. Вот только сработают топорно. Мне мясники не нужны — цель надо убрать тихо, быстро и без лишней пыли. Нужен мастер своего дела. Такой, как ты.

Найтаэр понимал, что теряет козыри. Марать руки заказным убийством он не собирался, какие бы горы золота ему ни сулили. Можно было просто встать и уйти, но ведьмачье чутьё подсказывало: живым его из этого притона не выпустят. Промысел Габера явно шёл вразрез с законом — об этом говорили и трущобы вокруг, и мордовороты у дверей, и сама суть разговора. Такие люди лишних свидетелей не любят и отказов не прощают.

Ведьмак мысленно прикинул свои шансы. Самого Габера он достанет через стол мгновенно, с двумя сбежавшимися на шум громилами тоже расправится без особого труда, даже в такой тесноте. Но сколько их здесь ещё? Когда он входил в дом, его чуткий слух уловил чью-то возню и тяжёлое дыхание за перегородкой соседней комнаты. А что, если во дворе ждут стрелки? Рубить сплеча вслепую было паршивой затеей. Поэтому Найтаэр решил сыграть тоньше: расспросить главаря, сделать вид, что принимает заказ, а затем тихо убраться из города до рассвета.

— Цена и имя, — негромко произнёс Найтаэр, опустив руки на столешницу.

Габер удовлетворённо скривил губы — мол, так бы сразу. Сунул руку за пазуху и бросил на дубовые доски тугой кожаный мешочек. Даже на глаз в нём было не меньше полусотни золотых дукатов — втрое больше того, что отсчитал за тварь из стоков прижимистый градоначальник.

— Здесь половина. Вторую заберёшь, когда дело сладишь. А убрать надобно одну травницу с самой окраины Кожевенного квартала, у старых стоков. Лиаэнн кличут. Чистокровная эльфка, не чета тебе, — Габер прищурился, проверяя, не дрогнет ли мускул на лице ведьмака. — Уж не знаю, жалуешь ли ты свою остроухую родню, но мне плевать. Эта падаль варит мази для голодранцев, а заодно мутит воду во всём квартале. С тех пор как она там обосновалась, трое моих парней сгинули в подземных ходах вместе с товаром. Вчера одного выловили у решётки — наполовину обглодан, а на куртке и руках утопленника следы её белены да тухлой мази. Она чует моих людей за версту и травит в каналах.

— Травница в одиночку режет твоих молодцов? — скептически приподнял бровь Найтаэр.

— Не твоя забота, как она это обстряпывает. Может, разбойников каких со стороны прикормила, а может, ворожит по-своему, по-эльфски. Мне нужно, чтобы к утру лавка сгорела вместе с хозяйкой. Сделаешь вид, что лихие люди за чистым спиртом залезли.

Найтаэр молча взвесил мешочек на ладони и спрятал его в поясную сумку.

— Где искать её лавку?

— Богуш с Климом проводят, — Габер кивнул в сторону двери. — Только сейчас не суйтесь, рано ещё. Выйдете глубокой ночью, незадолго до рассвета, когда в трущобах даже псы спать завалятся. Сказывают, в темноте вы, кошачьи выродки, видите не хуже филина, но в Кожевенном квартале чёрт ногу сломит. Парни покажут крыльцо и покараулят у входа. Чтоб всё чисто вышло.

Найтаэр коротко кивнул. Значит, просто свернуть в соседний переулок и уйти к конюшне не выйдет — соглядатаев приставили не для помощи, а чтобы наёмник не сбежал с задатком. Что ж, тем хуже для них.

По приказу главаря они переждали в притоне почти всю ночь, коротая часы в полумраке у догорающего очага, и лишь в самый глухой предрассветный час, когда город окончательно уснул, двинулись в путь.

Ночной Альдерсберг встретил их промозглой сыростью и густой вонью дубильных чанов, тянувшейся с низины. Клим шагал чуть впереди, то и дело оглядываясь через плечо, а лысый Богуш сопел за спиной ведьмака, держа правую руку на рукояти тяжёлого тесака.

Они углубились в лабиринт кривых улочек, где верхние этажи ветхих домов почти смыкались над головой, заслоняя щербатую луну. Здесь не жгли смоляных факелов у ворот, даже тусклый свет из редких окошек не пробивал темень, а под сапогами чавкала жирная грязь, перемешанная с рыбьей требухой и отбросами.

— Вон за тем мостком её халупа, под вывеской со связкой полыни, — вполголоса бросил Клим, когда они вышли к зловонному каналу, забранному ржавой кованой решёткой. — Мы тут у колодца покараулим, милсдарь, чтоб никто лишний не сунулся. Ты уж не мешкай.

— И то верно, — мягко согласился Найтаэр. — Зачем вам лишний раз на сыром ветру мёрзнуть.

Он развернулся на каблуках быстрее, чем они успели отреагировать. Левый локоть с коротким сухим хрустом вошёл в челюсть Богуша — коренастый детина даже не пикнул, кулём рухнув лицом в лужу. Клим успел наполовину выдернуть кинжал из ножен, но ведьмак уже перехватил его запястье, выкрутил сустав до щелчка и приложил напарника затылком о сруб колодца.

Через два удара сердца в переулке снова стояла тишина, нарушаемая лишь бульканьем воды в сточной трубе. Найтаэр оттащил обоих бесчувственных громил за пустые бочки из-под дёгтя, связал им руки их же собственными ремнями и бесшумно двинулся к дому травницы.

Уходить из города сразу он передумал. Если Габер не соврал и вскоре сюда нагрянут настоящие головорезы проверять работу, эльфка в лавке обречена. Он знал, что она вряд ли скажет ему спасибо — чистокровные *Aen Seidhe*презирали полукровок ничуть не меньше, чем людей, — но мысль о том, чтобы оставить её на растерзание своре Габера, вызывала под ложечкой глухое отвращение.

Щеколда на задней двери поддалась от лёгкого нажима кончиком ножа — запор был старый, расшатанный. Внутри пахло сушёным чистотелом, толчёной корой крушины, воском и ещё чем-то едким, до странности знакомым.

— *Bloede dh'oine...*Ещё один шаг — и будешь выплёвывать собственные лёгкие, — раздался из темноты певучий, но звенящий от ненависти женский голос.

Звякнуло стекло. Глаза ведьмака с узкими вертикальными зрачками мгновенно выхватили из полумрака тонкую, высокую фигуру за прилавком. Эльфка держала на весу стеклянный сосуд с притёртой пробкой, готовая швырнуть его под ноги незваному гостю. Длинные, заострённые уши проступали сквозь густые пряди вороных волос, а огромные миндалевидные глаза лихорадочно блестели в темноте.

— Спокойно, — Найтаэр демонстративно убрал ладони от рукоятей мечей. — Порошок из сушёной белены и толчёного стекла ослепит человека, но в такой тесноте ты надышишься им первая. Поставь склянку, Лиаэнн. Я не за твоей головой пришёл.

Эльфка чуть склонила голову, разглядывая его лицо, серебряный медальон на груди и два клинка за спиной. Её губы тронула горькая, высокомерная усмешка.

— Полукровка с кошачьим ошейником, — тихо произнесла она. — Цепной пёс на побегушках у людей. Сначала расчистил стоки под моей лавкой по приказу ратуши, а теперь явился перерезать хозяйке горло по указке Габера? Должно быть, тебе хорошо платят за кровь народа твоей матери.

Найтаэр замер, пропустив оскорбление мимо ушей. В ноздри снова ударил тот самый тяжёлый, мускусный дух, который он не сразу распознал за ароматом трав. Точно так же воняло

утром в северном стоке, когда он по пояс в ледяной жиже рубил серебром хитиновые кольца двухсаженного слепого сколопендроморфа.

Ведьмак перевёл взгляд в угол каморки. У самого люка, ведущего в подпол к подземному ручью, стояли три широкие бадьи с бурым студнем, пересыпанные беленой и толчёными железами падальщиков.

— Приманка, — тихо проговорил он, и мозаика в голове сложилась с безжалостной ясностью. — Та тварь в каналах... Ты её подкармливала.

— Я её не рожала и в город не тащила, — холодно отрезала Лиаэнн, но склянку на прилавок всё же опустила. — Сколопендроморф жил в старых эльфийских водоводах ещё до того, как люди поставили на наших белых камнях свои вонючие кожевни. Он никого не трогал, пока шайка Габера не повадилась таскать по стокам мешки с фисштехом прямо в наш квартал. Они сажали на эту отраву наших юношей и людскую бедноту, а тех, кто не мог заплатить по долгам, топили в колодцах. Мне стоило лишь вспомнить старые рецепты и смазать решётки под лавкой. Тварь шла на запах и жрала только тех, кто шлялся по трубам с факелами по ночам. Год в Кожевенных рядах было тихо. А сегодня утром пришёл ты, охотник на чудовищ, и расчистил им дорогу.

Найтаэр почувствовал, как челюсти сводит от глухой досады. Значит, вот почему бургомистр так торопился избавиться от «твари» в трущобах, куда городская стража сроду носа не совала, и вот почему так спешил вышвырнуть самого ведьмака за ворота до рассвета. Никакой заботы о горожанах — чистый расчёт. Чудовище мешало контрабанде, с которой кормилась сама ратуша.

— Двоих подручных Габера у колодца я связал, — отрывисто сказал ведьмак, подходя к узкому окошку из мутного стекла. — Но он не дурак. Забирай только то, что унесёшь в руках, и уходи через стоки. Живо.

— Я никуда не пойду, — упрямо вскинула подбородок эльфка. — На чердаке лежит мой младший брат. Люди Габера неделю назад избили его на пристани за то, что он не уступил им дорогу. У него проломлены рёбра и жар, он не пройдёт и сотни шагов.

Найтаэр выругался сквозь зубы на Старшей Речи. И в тот же миг его обострённый слух уловил снаружи тихий шорох гравия, скрип натягиваемой тетивы и сдержанное сопение как минимум дюжины глоток. Запахло горящей смолой и гарью.

Он не был охотничьим псом, которого Габер послал за дичью. Он сам был приманкой в капкане. Бандиты шли за ним по пятам от самого притона, дождались, пока ведьмак вскроет лавку и убедится, что внутри нет ловушек, и теперь брали их обоих в кольцо.

— К полу! — рявкнул Найтаэр, в прыжке сбивая Лиаэнн за дубовый прилавок.

Окно разлетелось вдребезги. В комнату с воем влетел просмолённый факел, следом ударили два арбалетных болта, намертво впечатавшись в полки со склянками. Комнату мгновенно залило жидким ревущим пламенем — сухие травы и спиртовые настойки вспыхнули как порох.

С улицы донёсся раскатистый хохот Габера:

— Эй, выродок! Думал, я не чуял, как у тебя поджилки перед эльфской роднёй дрогнут? Коли не захотел поработать за чистое золото — сгоришь за компанию с этой остроухой падалью! Подпирай двери, парни!

Входная дверь затрещала под тяжестью приставленного снаружи бревна. Пламя уже лизало потолочные балки, едкий дым от горящего болиголова и белены забивал глотку.

— Открывай люк в подпол! — прохрипел Найтаэр, рывком поднимая эльфку с пола. — Спускайся к воде и жди у лестницы! Я наверх за мальчишкой — вынесу его к тебе, и уйдём через канал!

— Ты не пробьёшься на чердак, лестница уже в огне!..

— Пробьюсь! Открывай люк, живо!

Но Лиаэнн не успела даже взяться за железное кольцо крышки. Задняя ставня со двора рухнула от удара топора, и в проёме показалась ухмыляющаяся рожа стрелка со взведённым самострелом. Найтаэр метнулся наперерез, складывая пальцы левой руки в Знак Аард, но опоздал на ничтожную долю секунды.

Тетива сухо щёлкнула. Тяжёлый гранёный болт пробил плечо эльфки, швырнув её спиной на горящий стеллаж. Склянки с отварами и маслами обрушились сверху, а второй болт, пущенный из темноты двора, вошёл ей прямо под ключицу.

Лиаэнн даже не вскрикнула — лишь коротко, судорожно вздохнула, хватаясь тонкими побелевшими пальцами за древко, и медленно сползла на залитые кровью половицы. В её огромных тёмных глазах отражалось ревущее пламя, а окровавленные губы едва слышно прошептали: «*Va'esse deireádh aep eigean...*» — прежде чем взгляд окончательно остекленел.

Внутри Найтаэра что-то оборвалось.

Годы тренировок в крепости, розги старых мастеров, твердивших о хладнокровии и нейтралитете, — всё это сгорело в одно мгновение, как сухая полынь под ногами. Кровь с глухим рёвом ударила в виски, заливая рассудок горячим туманом.

Дефектные мутации, которые он всю жизнь держал на коротком поводке, сорвались с цепи. В жилы хлынул густой, обжигающий яд собственной ярости. Мир вокруг потерял краски, сузившись до багрового туннеля, в котором отчётливо бились чужие, ненавистные сердца.

Найтаэр не пил эликсиров — они были ему не нужны.

Он выбросил вперёд левую ладонь. Воздушный таран Знака Аард вынес горящую входную дверь вместе с косяком и подпоркой, разбросав троих бандитов по грязной мостовой.

Из клубов чёрного дыма и искр, с хищным шелестом обнажив сталь, на улицу шагнула сама смерть.

Первому подручному Габера, пытавшемуся подняться с колен, стальной клинок снёс голову прежде, чем тот успел схватиться за меч. Ведьмак двигался с пугающей, нечеловеческой быстротой — стремительными, неуловимыми рывками, сливаясь в глазах ослеплённых пожаром людей в серое размытое пятно.

В его движениях не было рыцарского благородства — лишь хищная, смертоносная грация, помноженная на слепую ярость.

Плавный пируэт вправо — лезвие со свистом рассекает подколенные сухожилия второму громиле, а на обратном, текучем взмахе вскрывает сонную артерию третьему. Арбалетчик у колодца вскинул самострел, но Найтаэр, по-кошачьи мягко оттолкнувшись от стены горящего дома, в прыжке достал его остриём меча прямо в глазницу.

— Бейте его! Навались скопом, мать вашу! — сорвавшимся на визг голосом заорал Габер, пятясь к мосту за спины своих людей. — Он один!

На ногах их оставалось ещё восьмеро. Но против обезумевшего ведьмака, чьи рефлексы в приступе боевого бешенства ускорились втрое, это была просто толпа мясников на скотобойне.

Найтаэр не парировал — он ускользал на волосок от рубящих ударов топоров и тесаков, позволяя инерции проваливать противников вперёд, и с безжалостной точностью бил в открытые шеи, подмышки, пах. Кровь заливала ему лицо, смешиваясь с копотью, но на его губах застыла страшная, хищная ухмылка. Он слышал хруст разрубаемых ключиц, захлёбывающиеся хрипы, звон падающего в грязь железа — и каждый звук отзывался в груди пугающим, пьянящим торжеством.

Когда последний из головорезов рухнул в канаву, зажимая распоротое брюхо, в переулке остался стоять только Габер.

Главарь прижался спиной к каменным перилам мостка. В руках он трясущимися пальцами сжимал короткий охотничий кортик, а от былой хозяйской спеси не осталось и следа — на ведьмака смотрел загнанный в угол, смертельно перепуганный крысёныш.

— Стой... постой, Найтаэр! — забормотал Габер, облизывая пересохшие губы, пока ведьмак медленно, шаг за шагом приближался к нему, а с конца стального меча в грязь капала тёмная кровь. — Золото! Всё золото в тайнике под печью — твоё! Хочешь, бургомистра тебе сдам с потрохами? Это ведь его фисштех! Его товар! Я только разводил по кварталам, клянусь всеми богами!..

Найтаэр остановился в двух шагах. Багровая пелена перед глазами начинала медленно оседать, оставляя после себя ледяную, звенящую пустоту и вкус ржавого железа во рту. Сзади с грохотом обрушилась крыша догорающей лавки травницы, подняв к предрассветному небу столб оранжевых искр. Там, под этими обломками, остался задыхаться в дыму раненый эльфский мальчишка, которого ведьмак даже не успел увидеть.

— Мне не нужно твоё золото, Габер, — глухо произнёс Найтаэр. — Ты ведь сам сказал: тебе нужен мастер, который работает чисто.

Короткий выпад снизу вверх — и сталь вошла точно под грудину, пробив сердце насквозь. Габер судорожно вздрогнул, выронил кортик и грузно сполз по каменным перилам в чёрную воду канала.

Ведьмак остался стоять посреди усеянного трупами переулка, тяжело дыша и глядя на свои дрожащие, залитые по локоть чужой кровью руки. Ярость отступила, и вместе с ней пришло знакомое омерзение к самому себе. Учителя в школе были правы: зверь внутри него никуда не делся. Он лишь ждал повода сорваться с поводка.

Резкий звук рожка на соседней улице разорвал предрассветную тишину.

По мостовой загрохотали кованые сапоги, замелькали алебарды и факелы городской стражи. Десятка два латников в цветах Альдерсберга оцепили выход из переулка, выставив вперёд взведённые арбалеты.

Ряды стражников расступились, и вперёд, брезгливо подбирая полы подбитого мехом плаща, вышел сам бургомистр. При свете факелов его гладкое лицо казалось высеченным из камня, хотя при виде горы изувеченных тел в глазах мелькнул неподдельный ужас.

Чиновник осторожно перешагнул через отрубленную руку одного из бандитов, подошёл к краю мостка и заглянул в воду, где плавало тело Габера. Затем перевёл долгий, тяжёлый взгляд на ведьмака.

На мгновение их глаза встретились — и Найтаэр понял всё без слов. Бургомистр ничуть не горевал о гибели подельника. Напротив: Габер слишком много знал и начал наглеть, а теперь и строптивая эльфка, и шантажист-контрабандист, и вся его шайка лежали в одной канаве. А посреди этого побоища стоял идеальный козёл отпущения — полукровка с медальоном Кота.

— Милостивые боги... — громко, с праведным содроганием произнёс бургомистр, обращаясь скорее к оцепеневшим стражникам и выглядывающим из окон горожанам, чем к самому ведьмаку. — Мне говорили, что выродки из Котов — безумные мясники, но чтобы устроить такую резню в мирном квартале!..

— Габер перед смертью успел рассказать, чей фисштех таскали по трубам, градоначальник, — тихо, так, чтобы слышал только бургомистр, обронил Найтаэр, медленно вытирая клинок о тряпицу и убирая его в ножны за спиной. — Теперь понятно, чем тебе так мешал сколопендроморф в стоках.

Лицо бургомистра едва заметно дёрнулось, но он тут же взял себя в руки. Подошёл на шаг ближе и процедил сквозь зубы:

— Мог бы приказать изрешетить тебя болтами прямо здесь, мутант. Да только связываться с бешеным Котом в узком переулке — себе дороже, ещё пятерых стражников на тот свет утащишь. Считай, что мы с тобой в расчёте за твою ночную... уборку.

Чиновник отступил назад к шеренге арбалетчиков и властно вскинул руку:

— Именем закона и совета Альдерсберга! Убирайся прочь из города, выродок! Даю тебе четверть часа, чтобы забрать свою клячу и сгинуть за северными воротами! Если солнце заста-

нет тебя в пределах городских стен — прикажу повесить на главной площади без суда и следствия! Прочь с дороги, дайте нелюдю пройти!

Латники медленно, не опуская прицелов, расступились, образуя живой коридор.

Найтаэр не стал спорить. Молча пошёл сквозь строй. Из окон окрестных домов на него смотрели десятки глаз — перепуганных, полных жгучей ненависти. Никто из них не вспомнит ни про убитую тварь в каналах, ни про сгоревшую заживо эльфку, пытавшуюся спасти их детей от дурмана. Зато уже к полудню по всем трактирам Аэдирна разнесётся новая байка о том, как кровожадный психопат с медальоном Кота ради забавы вырезал пол-улицы в Альдерсберге.

Над черепичными крышами города занимался холодный, серый рассвет. Ведьмак вышел за ворота конюшни, вскочил в седло и тронул поводья, даже не обернувшись на чёрный столб дыма, всё ещё поднимавшийся над Кожевенным кварталом.

В волчьей шкуре

Глава I

Зной в южном Аэдирне установился ещё в начале лета, а к середине июля превратился в сущее пекло. Выцветшее от солнца небо над трактом казалось раскалённой медной сковородой — ни единого облачка, ни малейшего дуновения ветерка, способного принести передышку. Дорожная пыль висела в неподвижном воздухе густым жёлтым маревом, забиваясь в ноздри и скрипя на зубах.

Лишь когда дорога нырнула под своды векового бора на подступах к лирийским предгорьям, Найтаэр наконец облегчённо выдохнул. Смыкающиеся над головой кроны старых сосен и разлапистых дубов держали спасительную полутьму и прохладу, пахнущую прелой хвоей, папоротником и смолой.

Дорожный плащ ведьмак ещё с утра скатал и приторочил к задней луке седла — ехать в плотной шерсти по такой жаре значило свариться заживо. На нём оставался лишь пригнанный по фигуре тёмно-синий кожаный жилет без рукавов, оставлявший открытыми жилистые руки до самых локтей, да плотные, подбитые ремешками наручи, переходившие в боевые перчатки с обрезанными пальцами. В бою Найтаэр полагался на стремительность, гибкость и работу ног, а потому презирал тяжёлые латы и кольчужные плетения, сковывавшие движения. Из-за правого плеча у него привычно выглядывали рукояти двух мечей, а на груди, поверх жилета, поблёскивая в редких солнечных зайчиках, пробивавшихся сквозь листву, мерно покачивался в такт лошадиному шагу серебряный медальон с оскаленной кошачьей мордой.

Гнедой мерин шёл ленивой рысью, мотая головой и отгоняя надоедливых слепней. Найтаэр не торопил коня, свободно опустив поводья и погрузившись в невесёлые мысли.

А ведь этот год поначалу складывался на редкость удачно. Едва весной сошёл талый снег и просохли размытые колеи, ведьмак спустился с зимовки на тракт и почти не знал простоев. Работа находилась сама собой: то выводок утопцев на мельничной запруде, то вилохвост под Гулетой, то стая гулей на старом кладбище в предместьях Венгерберга. Платили исправно, в трактирные потасовки он не ввязывался, чужих интриг сторонился и всерьёз рассчитывал к концу лета спокойно перевалить через границу в Лирию с полным кошелём.

Он ведь так старался не повторять старых промахов, однажды уже едва не стоивших ему жизни.

Найтаэр невольно коснулся ладонью левого бока, где под кожаным жилетом тянулся бугристый рубец от ножа деревенского старосты. В то далёкое лето, когда двадцатилетний ведьмак только вышел на большак после обучения в крепости, он столкнулся с заказом, который запомнил навсегда. Сжигая на вечернем поле останки убитой невесты Аниеллы, обратившейся в полуденницу, он услышал от уходящего призрака девушки лишь несколько тихих слов, одно из которых — имя её убийцы, Яцека. Старый наставник когда-то учил его не лезть в людские распри: сделал своё дело, забрал плату и уходи. Но тогда молодой Найтаэр не промолчал — решил докопаться до правды и прямо спросил у старосты про Яцека, не зная, что говорит с отцом убийцы.

Расплата за нарушение нейтралитета последовала мгновенно: староста перехватил его руку и всадил нож под рёбра. Лишь ведьмачья реакция позволила тогда увернуться от удара Яцека сзади и уложить обоих нападавших. Выйдя из хаты на тёмный двор и зажимая кровоточащий бок, Найтаэр уже чувствовал, как от боли и предательства в жилах закипает слепая ярость. И всё-таки в тот вечер он сумел обуздать внутреннего зверя — не тронул перепуганных деревенских, объяснил им, за чей грех на поля приходила полуденница, и ушёл прочь.

Тогда, в самом начале пути, с пробитым боком перед толпой крестьян, он смог удержать себя в руках. А несколько дней назад в Альдерсберге — не сумел.

Стоило прикрыть глаза, как перед внутренним взором снова вставал залитый багровым светом переулок в Кожевенном квартале, остекленевший взгляд расстрелянной эльфки Лиаэнн и та страшная, пьянящая лёгкость, с которой он рубил людей Габера на куски. В этот раз он даже не пытался удержать поводок — просто позволил кривым мутациям выжечь рассудок дотла. И пусть градоначальник с головорезами заслуживали петли, легче на душе не становилось: пока он упивался резнёй на мостовой, под рухнувшей крышей задохнулся в дыму раненый эльфский мальчишка, которому ведьмак так и не успел помочь.

Мерин вдруг коротко всхрапнул и повёл ухом в сторону обочины, прерывая тяжёлые мысли всадника. Лошадь вообще была существом исключительно практичным: её совершенно не интересовали чужие терзания совести, проклятия и мрачные раздумья о судьбе — лишь бы в торбе исправно водился овёс. Вот и сейчас конь без всякого почтения к душевным мукам хозяина свернул на край дороги и потянулся губами к густым зарослям у канавы. В конце концов, терзания совести — это, конечно, хорошо, но дикий клевер куда интереснее.

Найтаэр поднял голову и натянул поводья. Впереди, там, где от главного тракта в глубь чащи уходила старая, поросшая подорожником и клевером лесная просека, стоял кряжистый дуб. Прямо к его шершавой коре на уровне человеческих глаз был приколот кривым кузнечным гвоздём кусок грубо выделанного пергамента.

Ведьмак нахмурился. По его расчётам, до ближайшего поселения оставалось ещё не меньше пяти вёрст. Вешать объявления о найме посреди глухого леса, где раз в неделю проедет разве что случайный торговец или конный разъезд, было по меньшей мере странно. Обычно такие бумаги прибивали у корчмы, на ярмарочной площади или у ворот ратуши.

Спешившись, Найтаэр подошёл к дубу и прищурился, разбирая написанный угольными чернилами текст. Буквы плясали вкривь и вкось, словно писавший выводил их на коленке, но в самом слоге то и дело проскальзывала грамотность, не свойственная простым пахарям:

> **«Люди добрые и в воинском деле сведущие! На хуторе у Чёрного ручья, что за третьим оврагом по старой просеке, завелась нечисть лютая, по ночам покою не дающая. Кто тварь эту изведёт и двор от напасти очистит, тому хозяин хутора отсыплет тридцать золотых дукатов без утайки».**

Ни имени, ни печати внизу не стояло.

— Тридцать золотых дукатов, — вполголоса протянул ведьмак, потерев пальцем край пергамента. — Щедро для лесного хуторянина. Даже чересчур.

Он опустился на одно колено у корней дуба, внимательно осматривая примятую траву. Человеку, не обученному чтению следов, поляна показалась бы нетронутой, но ведьмачьи глаза замечали каждую мелочь. Пергамент повесили вчера под вечер — чернила ещё не успели выгореть на солнце, а шляпка гвоздя не покрылась рыжим налётом от утренней росы. В сухую землю у дерева глубоко вдавились каблуки тяжёлых подкованных сапог, какие носят не простые крестьяне, а мастеровые или десятники. А на коре дуба, чуть ниже объявления, виднелось свежее белёсое пятно: тот, кто вбивал гвоздь, опёрся о ствол ладонью, перепачканной в сосновой смоле и мелких светлых опилках.

Найтаэр поднялся и посмотрел вдоль уходящей в чащу просеки. Если бы это была обычная разбойничья засада, охотники за чужими кошельками уже сидели бы в кустах неподалёку с наложенными на тетиву стрелами. Но лес вокруг дышал ровно и спокойно: в кронах пересви-

стывались иволги, в траве стрекотали кузнечики, а ветер доносил лишь запах нагретой хвои да едва уловимый, далёкий перестук — будто где-то за несколько вёрст к востоку глухо стучали по стволам тяжёлые топоры.

Любопытство взяло верх над осторожностью. В конце концов, тридцать дукатов лишними не бывают, а проверить одинокий хутор при свете дня — дело нехитрое. Вскочив в седло, ведьмак направил коня на заросшую просеку.

Дорога петляла между мшистых валунов и бурелома, постепенно спускаясь в сырую низину. Здесь деревья стояли так плотно, что полуденный зной отступил окончательно, сменившись влажной зелёной прохладой. Вскоре впереди зажурчала по тёмным камням вода — тот самый Чёрный ручей, получивший своё прозвище из-за торфяного дна.

Сразу за бродом лес расступился, открывая небольшую, поросшую кипреем и зверобоем поляну.

Хутор стоял на самом краю опушки, прижавшись глухой задней стеной к вековым елям. На заброшенное пепелище, где хозяйничает трупоед, он не походил ничуть. Крепкая бревенчатая хата глядела на поляну двумя небольшими окнами со ставнями. Деревянная крыша, поросшая мхом, была аккуратно подлатана в двух местах свежими досками. Во дворе виднелся каменный колодец, навес с ровными поленницами берёзовых дров и небольшая коптильня.

Вот только вокруг стояла мёртвая, нежилая тишина. Не лаял на цепи дворовый пёс, не кудахтали в траве куры, не мычала в хлеву скотина.

Найтаэр спешился и набросил повод на столбик так, чтобы отвязать мерина можно было одним рывком.

Ступая мягко и бесшумно, он пересёк двор и поднялся на невысокое крыльцо.

— Есть кто живой? — негромко окликнул ведьмак, костяшками пальцев постучав в тяжёлую дощатую дверь. — Хозяин!

В ответ — ни звука. Только сорока стрекотнула где-то на верхушке ели да ветер шевельнул пучок сухой полыни, привязанный над самым дверным косяком.

Дверь оказалась не заперта на засов — от лёгкого толчка ладонью она со скрипом подалась внутрь, впуская гостя в полутёмную прихожую, а оттуда — в просторную жилую комнату.

Найтаэр переступил порог и замер. Вертикальные зрачки его глаз мгновенно расширились, привыкая к сумраку, а чуткие ноздри втянули густой, многослойный воздух дома.

Внутри никого не было. Чуткий ведьмачий слух, способный уловить мышиную возню за каменной кладкой, не слышал в пределах четырёх стен ни шороха одежды, ни затаённого дыхания за печной заслонкой.

И всё же обстановка кричала о том, что жильё покинули считаные минуты назад. В глинобитной печи под слоем серого пепла ещё слабо тлели угли, отдавая в комнату сухое тепло. На чисто выскобленном дубовом столе стояла глиняная кружка с травяным настоем — Найтаэр коснулся её тыльной стороной пальцев и убедился, что питьё ещё не успело остыть. Рядом на деревянной доске лежала краюха ржаного хлеба и нож со следами солёного сала на лезвии.

Но внимание ведьмака привлекло другое.

Под низкими закопчёнными балками потолка висели десятки сушёных травяных пучков. Запах чабреца, зверобоя и мяты перебивался резким, горьковатым духом растений, которые обычные крестьяне обходили за версту. Найтаэр безошибочно узнал длинные стебли волчьего лыка с сухими ягодами и тяжёлые, тёмно-фиолетовые соцветия аконита — смертельного яда, который в ведьмачьей алхимии использовали против проклятых тварей.

А сквозь эту аптекарскую горечь явственно проступал иной запах. Тяжёлый, звериный, ни с чем не сравнимый дух жёсткой волчьей шерсти, мускуса, сырой лесной земли и старой крови. Так пахло в логове матёрого хищника, а не в доме одинокого отшельника.

Серебряный медальон на груди Найтаэра вдруг коротко, ощутимо вздрогнул. Не яростной дрожью, как при виде атакующей бестии, а глухим, настороженным предупреждением.

Ведьмак медленно обвёл взглядом пол. Доски были старыми, отполированными подошвами до желтизны, но у самой печи, прикрытая домотканым ковриком, виднелась квадратная щель подпольного люка. Присев на корточки, Найтаэр откинул край ткани кончиком сапога: на деревянной кромке крышки чернели свежие комочки сырой глины, ещё не успевшие высохнуть.

И в это самое мгновение его слух наконец уловил то, что прежде глушила толща земли.

Звук шёл снизу — но не из мелкого картофельного погреба, а откуда-то из глубокого подземного лаза, уходящего под самые корни старого леса. Кто-то поднимался по невидимому наклонному ходу к дому. Шаги были тяжёлыми, размеренными, но удивительно мягкими для человека. Затем прямо под половицами глухо лязгнула откидная железная щеколда.

Найтаэр бесшумно отступил на три шага к середине комнаты, разворачиваясь вполоборота и кладя правую ладонь на рукоять серебряного меча.

Крышка люка медленно, со сдержанным натужным скрипом приподнялась. Из провала потянуло ледяной ключевой водой и корнями. Сначала в проёме показалась широкая сутулая спина в грубой холщовой рубахе и седая, взлохмаченная голова, а следом на ступенях вырос и сам хозяин дома.

Это был мужчина крепко за пятьдесят, но сложенный так плотно и жилисто, что иному молодому дровосеку впору было позавидовать. Его широкое, изрезанное глубокими морщинами лицо обрамляла густая борода с проседью, на открытых предплечьях белели старые, давно затянувшиеся рубцы от рваных ран, а в правой руке он сжимал тяжёлый железный колун.

Выпрямившись в люке по пояс, старик повернул голову и встретился взглядом с Найтаэром.

Под косматыми седыми бровями горели глаза цвета топлёного янтаря — слишком светлые, слишком пронзительные для обычного человека. Заметив два меча за спиной незваного гостя и серебряную кошачью морду на его груди, хозяин дома каменно застыл. Пальцы на топорище побелели, широкие ноздри старика нервно дрогнули, шумно втягивая воздух вокруг ведьмака — воздух, в котором для чуткого звериного нюха всё ещё витал фантомный след большой человеческой крови и пепла Альдерсберга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.